

Московский Листок, гор. Москва
1900 г. 12 мая.

ВОЛКОВСКИЯ ТОРЖЕСТВА.

(От нашего специального корреспондента).

ЯРОСЛАВЬ, 10 мая.

III.

Въ такие дни, какими являются текущие «Волковские», —узель торжествъ не въ засѣданіяхъ и рѣчахъ, а въ спектакляхъ, къ участію въ которыхъ приглашены лучшія силы обѣихъ столичныхъ сценъ. Директоръ театровъ довольно самонадѣянно говорилъ въ своей рѣчи, что, моль, не смутятся тѣни Гоголя, Грибоѣдова и Островскаго, увидать, полтораста лѣтъ спустя послѣ первого русскаго спектакля въ Россіи, на сцѣнѣ ярославскаго театра свои произведения въ исполненіи русскихъ корифеевъ сцены, и... отъ слова вѣдь не становится, даже если это слово и директорское!...

Мудрено рѣшить, смущена ли была вчера тѣни Гоголя, когда артисты петербургскаго Александрийскаго театра играли его знаменитое «Ревизора», къ великому соблазну москвичей, совсѣмъ иначе, чѣмъ его играютъ у насъ. Еще болѣе мудрено предугадать, будутъ ли сегодня вечеромъ смущаться тѣни Грибоѣдова, когда, на смѣну петербуржцамъ, на шпи москвичи тряхнутъ старицой и съиграютъ «Горе отъ ума»... Оставимъ же тѣни великихъ писателей нашихъ въ покое —пусть они мирно спятъ!...

Парадный бесплатный спектакль въ городскомъ театрѣ. Небольшой по размѣрамъ, но пріятный, веселеный театръ этотъ, разумѣется, переполненъ. Въ партерѣ — мундиры военныхъ, налѣчники гражданскихъ чиновъ, фраки, ленты, звѣзды, ордена. Изъ ложъ вругомъ синютъ дамы въ нарядныхъ свѣтлыхъ туалетахъ. Бартина въ общемъ торжественная, праздничная, совершенно необычная для провинциального театра зала. Весь чиновный, замѣтный, интеллигентный Ярославль на лицо.

Когда поднялся занавѣсъ, мы увидели на сцѣнѣ бюстъ Б. Г. Волкова, а вокругъ большой хоръ любителей, подъ управлѣніемъ г. Кокуева. Аристическос, такъ сказать, соревнование. Состязаніе, если не на вещественныи призы, то на моральное удовлетвореніе... Самая программа спектаклей неизбѣжно должна была вылиться въ форму состязательную. Первый спектакль — «Ревизоръ» съ петербургскими артистами, второй — «Горе отъ ума» съ московскими, и третій — смѣшанный: три послѣднія акта «Грозы» исполнять москвичи, при чѣмъ именно предполагается тряхнуть старицой

ибо Катерину будетъ играть г-жа Ерикова, а Варвару — г-жа Никулина, — и полностью «Свадьбу Кречинскаго» исполнить петербуржцы. Очевидно, предполагалось, что на первыхъ двухъ спектакляхъ обѣ труппы «приуть голова въ голову» — съ этой цѣлью имъ на третьемъ спектакль и дана «перебѣжка»...

Но это въ сторону: ярославцы, проявляющіе необычайное гостепріимство и радушіе, умудрились такъ заполнить наши дни прогулками, засѣданіями, чествованіями и трапезами, что въ бѣглыхъ замѣткахъ моихъ съ «театра торжества» я рѣшительно не имѣю ни времени, ни мѣста удариться въ критический изысканій, не взирая на весь ихъ интересъ. Поневолѣ приходится отложить рецензію о спектакляхъ до будущаго, когда я непремѣнно дамъ въ одной статьѣ сводъ сравнительныхъ впечатлѣній. Обойтись безъ такого «свода впечатлѣній» было бы прискорбно, ибо развѣ только одинъ разъ въ 150 лѣтъ удастся критикѣ отъ московскаго «литературного» клуба, существующаго безъ года недѣлю. Отъ общества любителей россійской словесности прочелъ адресъ Ю. А. Веселовскаго — съ, отъѣзжай газеты «Сѣверный Край» — ея редакторъ 9. Г. Фалькъ.

Далѣе Е. П. Карповъ и М. И. Писаревъ возложили вѣнокъ отъ труппы петербургскаго Александрийскаго театра, а нашъ К. Н. Рыбаковъ — отъ Костромы — родины Волкова, отъ Рыбинска и, въ финалѣ, отъ будущаго ярославскаго антрепренера, артиста Дарскаго.

Вполнѣ заслуживаетъ быть особо отмѣченъ привѣтствіе, произнесенное какимъ-то гостиномъ довольно странного вида отъ имени московскаго «художественного театра». Этотъ гость явился безъ вѣнка и безъ адреса, — вооружившись одною только смѣлостью... Чѣмъ онъ говорилъ? Я признаю себя безсильнымъ передать его удивительную рѣчь, состоящую изъ набора рѣшительно ничего не означающихъ фразъ. Но финалъ рѣчи этого «художественника» былъ особенно великолѣпенъ: восхищаясь современнымъ состояніемъ театра, онъ сталъ перечислять имена, украшавшія и украшающія наши сцены, мѣщая знаменитыхъ покойниковъ съ полуузаменитыми современниками и упомянувъ изъ живыхъ только москвичей — Ермолову, Лепскаго, Южина...

Это уже было большой безтактностью, ибо происходило въ присутствіи труппы петербургскаго театра. Но безтактность этого «художественного оратора» еще удвоилась, когда онъ, назвавъ отсутствующую Ермолову, умолчалъ о стоящихъ тутъ же рядомъ съ нимъ на сцѣнѣ Г. Н. Федотовой и О. О. Садовской...

Если этому «оратору» не шикали, то лишь потому, что шикать при подобныхъ торжествахъ не принято.

Слѣдѣтъ прошель, понятно, съ шумнымъ депутатіемъ было 18, и теперь не стану перечислять ихъ — отмѣчу лишь наиболѣе примѣчательное. Отъ русскаго театральнаго общества возложили вѣнокъ предсѣдатель А. Е. Молчановъ, М. Г. Савина и А. А. Бахрушинъ; отъ труппы нашего Малаго театра — Г. Н. Федотова, О. О. Садовской и гг. Черневскій и Невскій; отъ общества драматурговъ — А. И. Южинъ-Сумбатовъ, возложившій соребрійный вѣнокъ; при возложеніи вѣнка отъ Демидовскаго юридическаго лицезея, директоръ его прочелъ телеграмму попечителя музея, А. П. Демидова, извѣщавшаго объ основаніи стипендіи имени Федора Волкова — громомъ аплодисментовъ отвѣтила публика на это сообщеніе.

Далѣе Е. П. Карповъ и М. И. Писаревъ возложили вѣнокъ отъ труппы петербургскаго Александрийскаго театра, а нашъ К. Н. Рыбаковъ — отъ московскаго «литературного» клуба, существующаго безъ года недѣлю. Отъ общества любителей россійской словесности прочелъ адресъ Ю. А. Веселовскаго — съ, отъѣзжай газеты «Сѣверный Край» — ея редакторъ 9. Г. Фалькъ.

Далѣе сѣдовали депутатіи отъ города Ярославля, отъ земствъ и ярославскихъ обществъ, отъ Костромы — родины Волкова, отъ Рыбинска и, въ финалѣ, отъ будущаго ярославскаго антрепренера, артиста Дарскаго.

Вполнѣ заслуживаетъ быть особо отмѣченъ привѣтствіе, произнесенное какимъ-то гостиномъ довольно странного вида отъ имени московскаго «художественного театра». Этотъ гость явился безъ вѣнка и безъ адреса, — вооружившись одною только смѣлостью... Чѣмъ онъ говорилъ? Я признаю себя безсильнымъ передать его удивительную рѣчь, состоящую изъ набора рѣшительно ничего не означающихъ фразъ. Но финалъ рѣчи этого «художественника» былъ особенно великолѣпенъ: восхищаясь современнымъ состояніемъ театра, онъ сталъ перечислять имена, украшавшія и

успѣхомъ: г-жу Савину и гг. Давыдова, Писарева, Варламова и Аполлоновскаго встрѣчали аплодисментами, сопровождаемыми вскакій ихъ уходъ и многократно вызывали послѣ каждого акта. Всѣмъ дамамъ поднесены были роскошные букеты изъ живыхъ цветовъ, всѣмъ мужчинамъ — колоссальные лавровые вѣнки... Коечре говорятъ: все честь честью, все въ аккуратѣ.

Представление кончилось поздно, а затѣмъ мы поспѣшили на раутъ въ Думу. Гостей встрѣчали городской голова И. А. Вахрамьевъ, его супруга и члены Управы. Главный думской залъ украшенъ флагами, драпировками, зеленью. Вдоль его стоятъ четыре длинныхъ стола — всѣхъ кувертовъ 250. Столы хорошо сервированы, украшены цветами и вазами съ фруктами, увѣнчанными колоссальными ананасами. Въ боковыхъ комнатахъ — столы съ закусками. Меню украшено портретомъ Ф. Г. Волкова и видами Ярославля. Содержаніе меню: борщокъ, стерлядь паровая, цыплята и дупеля, московитъ ягодный, фрукты. Вѣтъ абонемента — необыкновенное радуше хозяевъ, способствовавшее тому, что ужинъ прошелъ такъ оживленно и весело, какъ это рѣдко случается на такихъ большихъ собранияхъ.

Оживленіе вносили, разумѣется, артисты и артистки, придавшіе рауту характеръ совершенно исключительный. Г-жа Савина отсутствовала — она почувствовала себя нездоровой въ концѣ спектакля, но г-жи Федотова, Садовской, Никулина были на лицо. Присутствовали и молодые «женскія силы» обѣихъ труппъ, за ужиномъ они песенно талантливѣ, чѣмъ на сцѣнѣ... Вообще, было превесело. Подали шампанское — и начались тосты. Городской голова пилъ здоровые гостя, В. А. Теляковскаго — за устроителей празднествъ; кн. С. М. Волконскаго заявилъ, что конечно всѣ присутствующіе безконечно благодарны хозяевамъ праздника, предложилъ поднять бокалы и за хозяекъ его — супругу начальника губерніи, Е. В. Штюремъ, и супругу городскаго головы — Е. С. Вахрамьеву. Далѣе, тосты чередовались съ рѣчами, кто-то прочелъ стихотвореніе какого-то актера, г. Мусинъ-Пушкинъ прочелъ свое собственное стихотвореніе, неисправимый ораторъ — г. Михеевъ, предложилъ выпить «за русскій народъ», а

затѣмъ иѣкто завершилъ здравицу въ честь г. Трефолева указаниемъ на то, что въ окна думскаго зала на насъ уже смотрѣть солнце... Мы оглянулись и съ недоумѣніемъ действительно увидѣли восходящее солнце. — былъ четвертый часъ въ исходѣ, былъ часъ и по домамъ!...

Сегодня, большая Ярославская фабрика гг. Корзинкиныхъ устроила въ своемъ фабричномъ театрѣ юбилейное музыкально-драматическое утро, программа которого состояла изъ образцовъ народныхъ развлечений, устраиваемыхъ фабрикой для рабочихъ. Это представляло значительный интересъ: вопросъ о народныхъ развлеченияхъ — такой теперь живопрещающій вопросъ! Театръ фабрики очень большой и красивый, по видимости напоминающій театръ прежняго «Эрмитажа», эпохи Лентовскаго. Онъ для торжественного спектакля расцѣпленъ флагами, задрапированъ, украшенъ гирляндами зелени. Входъ въ зрительный залъ предполагаетъ сплошную стѣну зелени. Дамамъ вручались изящныя бутоньерки съ живыми розами, всѣмъ — афиши съ подробнымъ поясненіемъ организаціи и исторіи народныхъ развлечений на фабрикѣ.

П. Я жизнь веселую веду
Съ открытыя лѣтнаго сезона;
Въ Петровскомъ паркѣ былъ въ саду
И быть въ саду я у Омона,
Но, право, очень трудно мнѣ
Опредѣлить вѣсовъ вамъ чашку,
Гдѣ „добротѣль“ въ западнѣ?
И гдѣ пороки на распѣвку?

III. Вызываѣтъ много толковъ
Лицей нашъ первый Волковъ.
Въ память славнаго актера
Труппы двѣ дошли до спора
И была межъ ними драка —
Тѣмъ не менѣе однако,
Взоръ направивъ къ Ярославлю,
Торжество я яро славлю!

Наброски.

I.
Не хочу таить грѣха я!
Весь спектакль — одинъ позоръ!
Труппа очень ужъ плохая,
Но... прекрасенъ гастролеръ
И биткомъ набита зала,
Цѣлый вечеръ ревъ и стонъ.
Увлекаетъ театрала
Даровавъ крупнымъ онъ.
Не грустятъ антрепренеры,
Что ансамбль въ труппѣ нѣть,
И берутъ большия сбры,
Онѣркаль на сюжетъ.

II.
Романтистъ горя мало,
Что найти не удалось
Своего материала,
И рѣшилась „на авось“
Подъ чужимъ произведеніемъ,
Передѣлала имена
Съ удивительнымъ умѣніемъ,
Подписалась „Ч-ла“...
И теперь читатель слышитъ
Сногсшибательный отвѣтъ:
Ч-на романы пишетъ,
Онѣркаль на сюжетъ.“

III.
Я жизнь веселую веду
Съ открытыя лѣтнаго сезона;
Въ Петровскомъ паркѣ былъ въ саду
И быть въ саду я у Омона,
Но, право, очень трудно мнѣ
Опредѣлить вѣсовъ вамъ чашку,
Гдѣ „добротѣль“ въ западнѣ?
И гдѣ пороки на распѣвку?

Шутки.